

В недавние времена жили там два купеческих семейства, всех превосходившие достатком и древностью рода. В одном из них был единственный сын по имени Герман приятной внешности и в любом отношении безукоризненный; в другом – единственная дочь по имени Флери, красивая и благовоспитанная. И эти семейства решили (ведь обычно подобное сочетается с подобным, если только не мешает зависть) объединить свои дома, женив детей, на что, казалось, было дано молчаливое согласие самого неба наделившего обе стороны одинаковым возрастом, состоянием и добронравием, а также равной и взаимной любовью притом такой, какая подобрала их несовершеннолетним; и этой любви, успешно пустившей глубокие корни в нежной юности и возвращенной беспрепятственными беседами наедине, оставалось лишь увенчать свое цветение желанным плодом, а затем и созреть сообразно пылкому чаянию и обету родителей.

Но увы! когда их приятная надежда готова была обратиться в радость, Фортуна воспротивилась столь великому благу. Ибо, любезные дамы и господа, следует вам знать, что в доме этой девушки жил один молодой и разбитной слуга по имени Понифр, и этот слуга, будучи простым сторожем в лавке, только и делал, что глазел на прохожих и раздумывал, какая из красавиц первенствует в его мнении, решая про себя, какая смерть ему милей; однако по долгом и внимательном наблюдении признался себе, что искомое им рьяно на стороне находится подле него, потому что его юная госпожа несомненно превосходит всех девушек города, как луна превосходит самые яркие звезды. И он полюбил ее весьма сильно, оттого ли, что первый испытал склонность (это, говорят, благоприятствует любви), оттого ли, что такова была ее красота, или оттого, что излишняя праздность побуждала его искать себе дело и занятие; и с тех пор ему осталось только поучить себя милосердию Амура, – а тот, доведя его в краткое время до полного отчаяния и угостив обычной своей первой переменной, то есть немymi взглядами, томными вздохами, печальным уединением и молчанием, уносящим душу за пределы света, внушил ему желание более плотной пищи и сытных кушаний; вследствие чего пламя любви к Флери, дразнившей его своей близостью, разгорелось в нем так жарко, что он не мог не возыметь намерения, намного превышавшего его жалкие силы, именно: просить у нее награды, возделенной для тех, кто сражается под знаменами Амура. И чем дольше он, сам не веря в себя и потому безумно страшась, откладывал исполнение своего замысла, тем глубже сей надменный укротитель сердец вонзал шпоры ему в бока, пока не вынудил его наконец забыть все преграды.

О, как охотно называл он ее теперь своей госпожой, прибегая к привычному языку влюбленных! Но еще с большей охотой он подтверждал эти слова, стараясь так или иначе ей услужить. Однако простодушная девушка, еще не знавшая, что такое любовь, не обращала внимания на его учтивость и не могла отличить незнакомую ей прежде страсть. Уразумевший это слуга, недолго думая, решил, что ему, дабы наверное пробудить и успешно завоевать ее благосклонность, нужно объясниться прямо и без обиняков. И вот, рассудив, что новый разум требует нового платья, он наряжается по-щегольски, расчесывает волосы, надевает брыжжи, глядится в зеркало и охорашивается с таким рвением, какому только могла научить его любовь; после чего, восчувствовав крайнюю отвагу, разыскал он уединившуюся госпожу и принялся заплетающимся языком рассказывать ей, как умел, все слышанное им о могуществе Амура: этот бог, мол, не щадит никого и (хуже уж некуда) в слепоте своей забавляется тем, что, без всякого разбора соединяя бедняков с вельможами, принуждает королей увиваться около красивой простолюдинки или себе на потеху заставляет богинь позабыть небеса Ради объятий пригожего пастуха в сельской хижине.

– Вот почему, сударыня, – продолжал он, – я покорно прошу не удивляться, что совершенства, какими Природа вас одарила, дабы мы восхищались ею, подчинили и поработили мои юные чувства настолько, что я вынужден долить, как последнего лекарства, вашего милостивого нисхождения. Ах, сударыня, я хорошо знаю: вы сочтете меня, занесшегося своей страстью так высоко, слишком дерзким и безрассудным, однако ж могу уверить, что если вы ищете достойного вашей красоты, взойдите лучше на небо, потому что на земле вам его никогда не найти.

Таковыми-то и подобными речами старался этот юноша улестить свою неискушенную госпожу, как вдруг ее строгий взор и лицо, вспыхнувшее от стыда, негодования и презрения, велели ему молчать, а грозная отповедь заставила его ощутить жгучее раскаяние в опрометчивой вольности; когда же, безмолвно снеся ее тяжкий гнев, он остался один, то походил на святотатца древности, коего низверг в преисподнюю мстительный перун Юпитера: ибо он увидел, что вернейший путь, каким все влюбленные достигают желанной цели, отныне для него закрыт. Ведь, – по пословице, слушающая девица так же податлива, как вступающая в переговоры крепость, – а значит, верно и